

Валентин Пикуль

Быть тебе Остроградским!

*Часть сборника
Через тернии – к звездам.
Исторические миниатюры*

Через тернии – к звездам

Валентин Пикуль

Быть тебе Остроградским!

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Быть тебе Остроградским! / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Через тернии – к звездам)

«...Остроградский сразу выявлял в аудитории двух-трех человек, будущих “Декартов” и “Пифагоров”, для них и читал лекции, остальных же именовал “казаками”, к познанию математики неспособными. Одному из таких “казаков” Михаил Васильевич поставил самый высший балл на экзамене.— Чему дивишься? – сказал он ему. – Ты в интегралах был неучем, таковым и помрешь, я это знаю. Но я ставлю тебе “двенадцать”, ибо твои идиотские рассуждения неожиданно навели меня на одну мысль, о какой мне самому никогда бы и не додуматься... Так что, братец, от дураков тоже польза бывает!...»

Валентин Пикуль

Быть тебе Остроградским!

Историческая миниатюра

Пожалуй, рассказ предстоит обстоятельный... Жил да был в сельце Кобеляки полтавский помещик Василий Остроградский, а чинами не мог похвастать: сначала копиист, потом канцелярист почтамта, – сами видите, невелик прыщ! С женою Ириною имел он особый пригляд за сыночком Мишенькой, что бурно и даже мощно произрастал среди поросят да уток, меж арбузов да огурцов, имея наклонности совсем недетские. Не дай-то Бог, ежели где увидит колодец или яму какую – сразу кидался измерить ее глубину шнурком с грузилом, который при себе имел постоянно. По этой причине родители держали его от колодцев подалее, а Мишенька, могуч не по возрасту, рвался из рук родителей, даже плакал:

– Ой, не держите меня! Желаю глубину знать...

А вот зачем ему это надобно, того объяснить не мог, но размеры любой ямы его магически привлекали. Не мог он оторваться от машущих крыльев мельницы, подсчитывая число оборотов, часами, бывало, смотрел, как льется вода над плотиной. Учили его, балбеса, в Полтаве – сначала в пансионе, а потом в гимназии, но Миша педагогов успехами никогда не восхищал, лентяй он был – каких мало! Ему учитель о Пифагоре рассказывает с умилением, а он, экий придурок, шнурком этим самым скамью под собой измеряет. Аттестат Мишеньки блистал такими похвальными перлами: “не учится”, “в классах не бывает”, “охоты не имеет”, “уроков опять не знал”... Можно понять отчаяние родителей!

– Ну, что тут поделаешь? – огорчалась маменька. – Мы ли его не баловали? Мы ли сливок да шкварок на него не жалели? А такой олух растет – стыдно людям показывать.

– Сечь его прутьями! – говорили мудрейшие родственники. – Ежели рыпаться станет, мы согласны держать его на воздухах, а родитель пушай вгоняет в него страх Господень сзуду, дабы в нем великий азарт к учению возгорелся...

Думали и додумались: одна Мишке дорога – в кавалерию.

– Там и думать не надо: лошадь его сама в генералы вывезет.

В 1816 году, забрав своего придурка из гимназии, отец повез его прямо в Петербург, угрожая, что, если в гусары не примут, так отдаст в артиллерию – на прожор самому графу Аракчееву. Но по дороге в столицу встретился шурин – Сахно-Устимович.

– Нонеча век просвещенный, – ворковал он. – Сейчас не из пушек палить надобно, а мозгами раскидывать... На что Мишке гусарство? На одно вино с девками сколько денег ухлопает! А ныне в Харькове университет открыли, вот туда и сдай Мишку.

– В университет хочешь ли? – спросил отец сына.

– Нет, не хочу, – отвечал тот браво.

– Тогда поехали... в университет, – решил папенька.

Привез он своего недоросля в Харьков и сдал его в науку, словно в полк какой: авось, что-нибудь да получится? Начался странный период жизни юного Остроградского: сначала вольнослушатель, через год и студент по факультету математики, он в точных науках ни бельмеса не смыслил, а навещая отчие Кобеляки, слезно умолял батюшку о военной службе:

– Ладно уж гусары или пушкарки – нонеча согласен даже в полк Кременчугский пехотный... маршировать стану.

– Эва тебе! – показывал отец сыну кукиш...

Так бы и далее, наверное, канючил, если бы на втором курсе не поменял квартиру. На этот раз юнца приютил у себя адъюнкт наук математических Андрей Павловский, которого студенты харьковские “Аристидом” прозвали – за его любовь к справедливости. Стали они

совместно математикой заниматься, формулы всяческие разрешая. Павловский, очевидно, был педагогом отличным, ибо Остроградский, лентяй и тупица, каких свет не видывал, вдруг с небывалым жаром проникся познанием науки, от которой ранее он усердно отвращался. Прошло два-три месяца, не больше, и однажды “Аристид” взял квартиранта за уши и... расцеловал:

– Мишель! Прими за истину, что говорить стану. Я едино лишь усидчивостью беру да терпением, знаниями уже достаточно обладая. А ты, знаний в математике не имея, все с налету мигом хватаешь, будто ястреб жалкого воробья в полете, и на любой вопрос, над которым я мучаюсь, отвечаешь сразу. Я-то, мой милый, трудом истины домогаюсь, а ты... ты, братец, *творишь!*

– Так кто ж я такой? – удивился Остроградский.

– Ты? Ты, братец, г е н и й...

Странности судьбы продолжались. Остроградскому было уже 19 годочков, когда ради получения степени кандидата он сдал одни экзамены успешно, а другие сдавать попросту не пожелал. Не хочу, мол, и все тут, не приставайте ко мне! Сам князь А. Н. Голицын, министр народного просвещения, с высот вельможных, из кресел бархатных указывал, чтобы не рыпался и сдавал все экзамены, но... Об этом, читатель, можно написать сто страниц (не преувеличиваю), можно ограничиться и десятком строчек. Я буду краток: в один из дней Остроградский выложил аттестат перед синклитом ученых Харьковского университета и заявил, что не желает видеть свое имя в списках студентов:

– А моим аттестатом можете... подтереться!

Родители надеялись, что уж теперь-то их Мишенька согласен служить в пехоте, но Остроградский помышлял о другом:

– Мне, папенька, ехать в Париж нужда приспела.

Отец рассудил об этом желании на поэтический лад:

– Нешто наши кобеляцкие дивчины плохо для тебя песни спивают? Нешто вальсы парижские нашего гопака милее?

Вырос дитячко под потолок, рычал басом, перечислял имена славные, парижские: Фурье, Лаплас, Ампер, Пуассон, Коши, – возжаждал он ихние лекции в Сорбонне слушать. Зарыдала тут маменька, кручинясь, а отец подумал и... согласился:

– Мишка-то прав: по малому бить – только кулак отшибешь. Езжай, сынок, и затми Париж нашими Кобеляками!

Но возникла сильная оппозиция со стороны родственников:

– Экий бугай! – говорили они. – Любого поросля в одночасье под хреном уминает, все у него есть, жить бы ему да радоваться, родителей в преклонности лет ублажая своим сердцем-любом, так нет – ему, вишь ты, еще и Париж подавай!

Вот тут и нашла коса на камень.

– Цыть! – сказал папенька. – Бывать Мишке в Париже, дабы ведали людишки тамошние, что в Кобеляках не под заборами рождаются, не кулаком крестятся и не помоями умываются...

В мае 1822 года сынок отъехал в Париж, и недели не миновало, как вернулся он в Кобеляки – босой и голодный.

– Чего так скоро? – спросил отец.

– Денег твоих, папенька, до Чернигова мне хватило. Сел в дилижанс, как все люди, но в дороге общептали меня пассажиры проклятые, весь багаж по кускам раздергали... Велите, папенька, обед подавать. Очень уж я по шпику с салом соскучался.

– Нет уж! – обозлился отец. – Обедов ты от меня не дождешься. Я тебе еще раз отвалю три сотенных и езжай в Париж, как хотел, чтобы сородичи надо мною не изгалялись...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.